

В.И.ДАЛЬ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

7

Владимир Иванович Даль
Сказка о бедном Кузе
Бесталанной Голове и о
переметчике Будунтае

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155646

В. И. Даль «Избранные произведения»: Правда; Москва; 1983

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Владимир Иванович Даль

Сказка о бедном Кузе Бесталанной Голове и о переметчике Будунтае

А что, ребята, какой ныне у нас день? Кто скажет, не заглядывая в святцы, не справляясь у церковника нашего, ни у тещи его, у просвирни?

– А ныне тринка-волынка-гудок, прялка-моталка-валек, да матери их Софии, – отвечал косолапый Терешка, облизываясь.

– А коли так, – молвил сват, – коли праздник, то, видно, быть тому делу так: чтоб не согрешить, не ухватиться от безделья за дело, подите-тка сюда, садитесь на солнышко в кружок да кладите головы друг дружке на колени; сами делайте свое, а сами слушайте!...

Жил-был во земле далекой, промеж чехов да ляхов, старик гусяр да старуха гусярка...

– И страх их не берет, – сказал долгополый церковник, проходя мимо наших молодцов и подпираясь терновой тросточкой своей, – и страх их не берет! Хоть бы воскресного дня дождались, да и зубоскалили б; так нет, вишь, и в бу-

день... Погоди, вот я вас!

– Не сердись, дядя Агафоныч, – молвил сват, – что пути, печенку испортишь; позволь-ка милость твою поспрошать: у вас коли бывает воскресный-эт день?

– В воскресенье, антихристы, – гаркнул Агафоныч.

– Ан в субботу, – подхватил тот же молодец, – в субботу перед вербным у вас бывает Лазарево воскресенье!

– Вот каков, и церковника сбил да загонял, -закричали ребята, заливаясь хохотом, – ай да письмослов!

А рассказчик продолжал:

– Жил, говорю, старик гусляр да старуха гуслярка. Спросите вы: что-де за гуслярка, коли он играл на гусях, а не она? Сами разумные вы, кажись, знаете, что по шерсти собачке кличка бывает, а по мужу и жену честят; коли муж гусляр, так жена неужто, по-вашему, пономариха? А коли этого про вас мало, так скажу вам, молодцам молодецким, что и старухе намеренно прилучилось поиграть на гусях: как полезла она за решетом да стянула их рядом с полатай – загудели, сердечные, сказывают, вечную память по себе пропели да и смолкли.

До этого греха старик наш кой-как с ломтя на ломоть перебивался; хотя, правда, родовое добро его, голос молодецкий, стал уже отказываться и подламываться о ту же пору, как и зубы, промоллов с лихвою два-сорока годов; но наживное имущество, гусли, все еще служили верою и правдой безволосому и белобородому, утешали жителей села Поищихи,

со проселки и выселки, и кормили старичков наших и сына их, бедного Кузю. Но теперь, после того когда старухе нехотя, как сказывал я вам, случилось поиграть на гусях этих и в первый и последний, когда, сверх того, старички, живучи в сырой, дряблой землянке, захворали, то пришлось было им пропадать совсем. Вот они и сложили поскребыши и осколки гуслей своих в мешок, повесили его сыну, бедному Кузе, на шею и послали его собирать подаяние милосердных и жалостных прихожан; кто знал старика и помнил гусли его, тот-де не отринет и теперь, а подаст. Ходит Кузя по миру и поет под оконцами песни:

Гляньте, загляньте в дыряву котомку,
Дайте, подайте хлеба ломоть!
Тятка гусяр, моя мама гусярка –
Где твои гусли, бедный Кузя?
Гляньте, загляньте в дыряву котомку,
Дайте, подайте хлеба ломоть!

Раз как-то в воскресный день бедный Кузя наш подошел поздним вечером под светлое оконце брусной десятской избы, пропел песенку свою, потрянул осколышами гуслей в мешке – нет ответу, ни привету, а шум и тары да бары в избе слышатся большие. Подошел Кузя поближе, вплоть под окно; глянул – сидят бабы; прислушался – идут у них толки о нечистой силе, про знахарей, волхвов, кудесников да про киевских ведм. Всего, чего бедный Кузя наслушался у окна,

пересказывать не станем. «Бабы дуры, – подумал он и сам, как отошел, и затянул ту же песню свою под другим окном, – кто бабе поверит, и трех дней не проживет»; иначе долго у него не выходило из головы, как бабы клялись и божились, что коли кто чары творит да зажмешь в это время пальцем сучок в стене бревенчатой избы, так пересилишь его; а еще говорили, что ведьму, знахаря, колдуна и всякого, кто только спознался да живет с нечистой силой, можно пригвоздить к месту и покорить себе на живот и на смерть, коли приколоть булавкой тень его к земле либо к стене; бедняга пропал тогда и с нечистым своим; будет моргать очами да повертываться, что на колу, и наконец взмолится: *аман* ¹! перед булавкой твоей, как турок неверный перед русским штыком!

Бедный Кузя рылся как-то в золе, в сору и в навозе, собирая кости, которые он жег и продавал на ваксу и на разные снадобья какому-то засевшему в ближнем уездном городке осколышу наполеоновской армии, учителю всякой всячины и досужему делателю ваксы и помады, – как вдруг к нему, к Кузе, подошел, отколь ни взялся, цыган ли, татарин ли какой, поглядел на него и присел на кучку навоза, будто хотел стеречи ее от суковатой клюки бедного Кузи. Кузя поглядел на него искоса, стал опять разгребать сор поодаль от шабра, от соседа, и сметил, что новый сторож, на кучке сидючи, задремал. «Кто это?» – спросил тогда Кузя потихоньку шальную Мотрю, которая пасла телят и свиней. «Неужто ты эту собаку

¹ *Аман* – пощади, сдаюсь.

не знаешь? – сказала Мотря шальная. – Это Будунтай, чертов пай, всем ведомый переметчик; он в Вятке барсуком из норы вылез, в свояки семи шаманам сибирским приписался, под Чудовом в козла оборотился, в Вологде свечой подавился, да кабы казанские татары не сняли с него шкуры на сафьян, так бы и светильня за ним пропала! Он перекинулся в тройку бегунов, а из них две лошаденки белые, а одна голая, – да и ушел на три стороны; ищи его! Вот он за что и слывет у нас переметчиком, что перекидывается, собака, во что ни задумал!»

Бедный Кузя оглянулся на Будунтая, испугавшись голосистого крика шальной Мотри, а уж Будунтая и нет: на том месте, где он сидел, лежит только камень, а камня того, кажись, прежде не было. Кузя застрогал деревянную шпильку, подкрался к камню против солнца, да и приколот тень камня того к земле. «Что-то будет?» – подумал он. Долго камень лежал да отмалчивался, а Кузя стал разгрести под ним кучу навоза. Тогда и камень не утерпел: он перекинулся пошехонцем, в поршнях ²

² *Поршни* – род легкой обуви, сделанной из куска сырой кожи или шкуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.